

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
17 June 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 5 статьи 4 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2809/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Ли Сок Ки, Ким Хон Ёлом, Ли Сан Хо, Хон Сун Соком, Хан Тон Куном, Чжо Лян Воном и Ким Кын Рэ (представлены адвокатом, Ким Ки Намом и другими)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы
<i>Государство-участник:</i>	Республика Корея
<i>Дата сообщения:</i>	15 декабря 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 14 сентября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	30 октября 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	свобода выражения мнений
<i>Процедурный вопрос:</i>	отсутствует
<i>Вопрос существа:</i>	допустимость ограничения свободы выражения мнений
<i>Статья Пакта:</i>	19
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	отсутствует

1. Авторами сообщения являются Ли Сок Ки, Ким Хон Ёл, Ли Сан Хо, Хон Сун Сок, Хан Тон Кун, Чжо Лян Вон и Ким Кын Рэ, все граждане Республики Корея. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило их права, закрепленные в

* Приняты Комитетом на его 130-й сессии (12 октября — 6 ноября 2020 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Гентиан Зюбери, Эрнан Кесада Кабрера, Дэвид Мур, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Василька Санцин, Элен Тигруджа, Ахмед Амин Фатхалла, Сюити Фуруя, Кристоф Хейнс, Андреас Циммерман и Юваль Шани.

*** Совместное мнение членов Комитета Гентиана Зюбери, Сюити Фуруя и Андреаса Циммермана (частично несогласное) и индивидуальное мнение члена Комитета Эрнана Кесады Кабреры (частично несогласное) приводятся в приложении к настоящим Соображениям.

статье 19 Пакта. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 10 июля 1990 года. Авторы представлены адвокатом.

Факты в изложении авторов

2.1 Все авторы были активистами Объединенной прогрессивной партии¹. В период с 30 августа 2013 года по 24 октября 2013 года они были задержаны и им были предъявлены обвинения. На основании некоторых фактов все они были обвинены в заговоре с целью мятежа и в нарушении статьи 7 Закона о национальной безопасности, которая предусматривает уголовную ответственность, в частности, за восхваление, поощрение или пропаганду деятельности антигосударственной организации при осознании того, что это может угрожать существованию и безопасности государства или основополагающему демократическому порядку². Утверждалось, что Хон Сун Сок и Хан Тон Кун встречались для изучения книг, восхваляющих Корейскую Народно-Демократическую Республику, и что 11 декабря 2011 года и 30 июля 2013 года Ли Сан Хо выступал с речами, которые, по мнению авторов, касались различий между революционерами и активистами и важности товарищества и укрепления поддержки. Утверждалось, что все авторы, за исключением Ким Хон Ёла, приобретали, хранили и распространяли антигосударственные материалы. Утверждалось также, что 8 марта 2012 года, 3 мая 2012 года, 21 июня 2012 года и 10 августа 2012 года все авторы, кроме Хан Тон Куна, исполняли песню под названием «Товарищи по революции».

2.2 Кроме того, обвинения касались двух встреч в мае 2013 года, в которых участвовали все авторы. По словам авторов, учитывая возросшую с конца 2012 года напряженность в отношениях между государством-участником и Корейской Народно-Демократической Республикой, Ким Хон Ёл решил организовать совещание для лучшего понимания политической ситуации, ограничив участие в нем руководителями провинциального комитета Объединенной прогрессивной партии в Кёнги. Совещание, на котором присутствовали 130 человек, состоялось 10 мая 2013 года, на нем выступили Ким Хон Ёл и Ли Сок Ки, однако оно было прекращено через десять минут после начала по соображениям безопасности.

¹ Ли Сок Ки был законодателем от Объединенной прогрессивной партии в Национальном собрании. До ареста Ким Хон Ёл возглавлял комитет Объединенной прогрессивной партии в провинции Кёнги, а Хон Сун Сок был его заместителем. Более подробная информация о деятельности авторов имеется в деле.

² Текст статьи 7 («восхваление, поощрение и т. д.»):

1) Любое лицо, которое восхваляет, поощряет или пропагандирует деятельность антиправительственной организации, ее члена или лица, получившего от нее соответствующий приказ, или которое действует в согласии с ней либо пропагандирует или подстрекает к восстанию против государства, зная, что это может поставить под угрозу существование и безопасность государства или основополагающий демократический порядок, наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

2) Исключен.

3) Любое лицо, учреждающее организацию или присоединяющееся к организации, целью которой является совершение деяния, указанного в пункте 1), наказывается лишением свободы на срок от одного года.

4) Любое лицо, являющееся членом организации, указанной в пункте 3), и фабрикующее или распространяющее любые ложные факты в отношении вопросов, которые угрожают вызвать какую-либо смуту в общественном порядке, наказывается лишением свободы на установленный срок от одного года.

5) Любое лицо, которое изготавливает, импортирует, воспроизводит, хранит, носит, распространяет, продает или приобретает любые документы, рисунки или иные выразительные материалы с намерением совершить деяние, указанное в пунктах 1), 3) или 4), подлежит наказанию, предусмотренному в соответствующем пункте.

6) Любое лицо, попытавшееся совершить преступление, указанное в пунктах 1) или 3)–5), подлежит наказанию.

7) Любое лицо, которое готовит или замышляет преступление, указанное в пункте 3), с намерением его совершить, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2.3 12 мая 2013 года состоялась вторая встреча с тем же количеством участников. Ли Сок Ки сделал несколько замечаний, за которыми последовало обсуждение военной ситуации и важности подготовки к возможной войне. Затем Ким Хон Ёл предложил присутствующим в рамках обсуждения в подгруппах изучить вопрос о том, каким образом проводить политическую и военную подготовку. Ли Сан Хо предложил нападать на коммуникации и линии поставок нефти, разработав соответствующие руководящие принципы. Он рассказал о способах производства оружия и бомб и о саботаже системы железных дорог. Хан Тон Кун отметил, что самым важным оружием будет защита организации, а также что необходимо принять решение о краже оружия и расширить возможности организации по реагированию на военные действия. Отдел по делам молодежи не рассматривал возможность войны, однако участники других подгрупп обсудили необходимость физической и технической подготовки к революционной войне, закупок оружия, нападения на телекоммуникационные системы, установления хороших отношений с ведомствами, отвечающими за инфраструктуру, и наличия руководящих принципов по вопросу предварительного заключения. Затем Ли Сок Ки спросил участников, знакомы ли они с подобной подготовкой, и рассказал им, что они должны проявлять активность и что существует множество способов подготовиться как физически, так и технически. Он заявил, что для разрушения стальной башни можно использовать простые методы. Он также сослался на веб-сайты, посвященные изготовлению самодельных бомб, и обсудил информационную войну, пропагандистскую войну и собственно военные действия. Авторы отмечают, что после этих встреч не было предпринято никаких действий.

2.4 В дополнение к обвинениям, предъявленным всем авторам, Ли Сок Ки и Ким Хон Ёл были обвинены в подстрекательстве к мятежу в связи с их ролью в майских совещаниях. Обвинение утверждало, что Ли Сок Ки возглавляет «Революционную организацию», целью которой якобы является свержение правительства и установление идеологии Корейской Народно-Демократической Республики, и что на майских встречах он подстрекал членов «Революционной организации» к физической и военной подготовке к войне, планируя уничтожение инфраструктуры. Авторы оспорили эти обвинения.

2.5 17 февраля 2014 года окружной суд Суводна признал авторов виновными по всем пунктам обвинения и приговорил Ли Сок Ки к 12 годам лишения свободы, а других авторов — к тюремному заключению на срок от четырех до семи лет. И авторы, и обвинение обжаловали это решение.

2.6 11 августа 2014 года Высокий суд Сеула оправдал авторов по обвинению в заговоре с целью мятежа, однако оставил в силе их приговор по статье 7 Закона о национальной безопасности, а также приговор Ли Сок Ки и Ким Хон Ёла за подстрекательство к мятежу. Высокий суд сократил срок лишения свободы Ли Сок Ки до девяти лет, а сроки заключения остальных составили от двух до пяти лет.

2.7 22 февраля 2015 года Верховный суд оставил решение Высокого суда в силе.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государство-участник нарушило их право на свободное выражение мнений, поскольку уголовное наказание стало посягательством на эту свободу, и что наказание не является необходимым в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта, поскольку заявления, сделанные Ли Сок Ки и Ким Хон Ёлом во время майских встреч, не ставят под угрозу национальную безопасность.

3.2 Во-первых, сделать такой вывод не позволяет характер отношений между ораторами и слушателями; Ли Сок Ки и Ким Хон Ёл не могли повлиять на участников, поскольку те являются демократическими активистами, устойчивыми к манипуляциям в силу пережитых трудностей и в силу демократического характера Объединенной прогрессивной партии. Ли Сок Ки не состоял в близких отношениях с большинством участников.

3.3 Во-вторых, контекст майских встреч не требовал никакого ограничения свободы выражения мнений авторов. Совещания были организованы с целью улучшения понимания политической напряженности на Корейском полуострове.

Напряженность сохраняется с момента окончания Корейской войны, и Корейская Народно-Демократическая Республика неоднократно заявляла о своем отказе от Соглашения о перемирии. Несмотря на то, что опасения по поводу безопасности усилились, вооруженный конфликт не являлся неизбежным.

3.4 В-третьих, намерения авторов, лежащие в основе встреч, не оправдывают ограничений. Ли Сок Ки и Ким Хон Ёл не собирались подстрекать участников к насилию, а просто делились своим мнением о том, как следует поступать в подобной ситуации. Совещания были открыты для определенной аудитории, принадлежащей к одной партии. Более того, несмотря на то, что используемые слова «борьба», «война», «революция», «сражение», «локальная и нетрадиционная война» и «уничтожить» звучат радикально, люди с левыми взглядами часто используют их, поэтому они должны толковаться контекстуально. Непонятно, что Ли Сок Ки рекомендовал делать участникам; он не участвовал в дискуссиях в подгруппах, где обсуждались потенциальные мишени, а поделился своим личным мнением, не уточняя, что имел в виду, когда спросил, знакомы ли участники с обсуждаемыми темами. Кроме того, эти встречи были единичными событиями, и высказывавшиеся на них замечания не повторялись.

3.5 В-четвертых, необходимость ограничения никоим образом не вытекает из содержания обсуждений. Ли Сок Ки и Ким Хон Ёл не призывали к насилию напрямую. Ссылки Ли Сок Ки на физическую и техническую готовность оставались абстрактными. Аналогичным образом, его заявления о необходимости «разрушить физический фундамент, создававшийся правящей фракцией в течение последних 60 лет», и «уничтожить режим, при котором существуют две Кореи», расплывчаты и относятся только к политическому статус-кво. С учетом других высказываний его упоминания о «борьбе» и «сражении» относятся к усилиям по преодолению империализма Соединенных Штатов. Своим советом не носить оружие он пояснил, что участники не должны убивать. Его упоминание о разрушении стальной башни указывает на важность поиска творческих решений вместо поощрения уничтожения инфраструктуры. Он и Ким Хон Ёл никогда прямо не говорили о том, какие конкретные действия следует предпринять и на кого или на что их следует направить. Их тон был спокойным. Кроме того, открывая и закрывая совещания, Ким Хон Ёл всего лишь использовал риторику, характерную для Объединенной прогрессивной партии.

3.6 В-пятых, ограничение было неоправданным в плане способа распространения информации, поскольку указанные совещания предназначались для конкретной аудитории из 130 человек в закрытом помещении и не сопровождались последующими мероприятиями.

3.7 В-шестых, насилие не было ни вероятным, ни неизбежным. Вопрос Ли Сок Ки о том, знакомы ли участники с рассматриваемыми темами, показал его неудовлетворенность итогами обсуждений. Его замечание о том, что существует «огромное количество идей физической и технической подготовки, основанных на предпосылке, упомянутой ранее. Не слишком ли их много? Не слишком ли они абстрактны? Их количество, безусловно, огромно. Вы можете найти их на собственном рабочем месте», нелегко понять. Его заявления: «Если будет отдан приказ о полномасштабных нападениях, то я рассчитываю на ваш творческий подход» и «Полностью ли вы готовы к бою, как только получите приказ?» являются условными; неясно, кто отдаст приказ и кто должен стать мишенью.

3.8 Кроме того, авторы не согласны с тем, что в соответствии с Законом о национальной безопасности любая их деятельность оправдывает ограничение свободы слова. Верховный суд не пояснил, каким образом высказывания Ли Сок Ки представляют собой угрозу, а вместо этого просто сделал вывод о том, что он пропагандировал применение революционной стратегии Корейской Народно-Демократической Республики в отношении государства-участника. Ким Хон Ёл лишь использовал риторику, типичную для Объединенной прогрессивной партии, и заявил, что для победы над Соединенными Штатами Америки необходимо использовать суверенный потенциал народа в своих интересах. Высказывания Ли Сан Хо о нападениях на инфраструктуру и изготовлении оружия и бомб вызывают тревогу,

однако он не пошел дальше слов. Хан Тон Кун лишь упомянул, что организация должна быть защищена и что необходимо принять решение о краже оружия и военных действиях. Хон Сун Сок, Ким Кын Рэ и Чжо Лян Вон только подвели итоги обсуждений в своих подгруппах, поэтому соответствующие высказывания не могут быть приписаны им лично. Авторы приходят к выводу о том, что встречи не давали возможности для практической реализации обсуждений.

3.9 Авторы утверждают, что Верховный суд не объяснил, какую угрозу представляет исполнение песни «Товарищи по революции» или изучение и обсуждение идей чучхе. Аналогичным образом, высказывания Ли Сан Хо и изъятые материалы носили антиправительственный характер, однако не призывали к насилию, и Верховный суд не объяснил, каким образом они угрожают национальной безопасности.

3.10 Авторы утверждают также, что их тюремные сроки не являются соразмерными, поскольку общественность не была допущена к майским встречам, а обсуждения не представляли угрозы для национальной безопасности. Более того, имелись и менее ограничительные меры, учитывая, что Ли Сок Ки был лишен места в Национальном собрании, и правительство могло попросить Объединенную прогрессивную партию применить свои внутренние дисциплинарные механизмы. Оно также могло бы найти политическое решение, например, попросить авторов публично извиниться. Кроме того, не было принято никаких мер в отношении общедоступных онлайн-комментариев, подстрекающих к войне между Северной и Южной Кореей. Партия стала мишенью для проправительственной Национальной службы разведки, через которую правительство запретило ее деятельность.

3.11 Авторы утверждают, что исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты, поскольку Верховный суд является высшим компетентным судом. Они не стали подавать в Конституционный суд петицию о рассмотрении конституционности применения Закона о национальной безопасности, поскольку суд уже ответил на этот вопрос в другом деле, не оставив перспектив на успех.

3.12 Авторы просят Комитет предложить государству-участнику предоставить им надлежащие средства правовой защиты в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта, включая отмену решения Верховного суда, повторное судебное разбирательство в соответствии с нормами Пакта, помилование и денежную компенсацию.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 11 апреля 2017 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения, утверждая, что высказывания авторов представляли угрозу для национальной безопасности и что все принятые против них меры были соразмерны совершенным деяниям.

4.2 Государство-участник заявляет, что майские встречи проходили в контексте пребывания страны на грани войны, поскольку за три дня до первого совещания Корейская Народно-Демократическая Республика угрожала превратить «пять островов Западного моря в море огня», а в период с 18 по 20 мая 2013 года она выпустила пять ракет.

4.3 Государство-участник напоминает о замечаниях, сделанных на майских встречах Ли Сок Ки и Ким Хон Ёлом, которые, в частности, заявили, что сейчас они находятся в состоянии войны. Государство-участник отмечает, что в качестве ораторов Ли Сок Ки и Ким Хон Ёл находились на вершине иерархии, откуда руководили участниками, которые знали о тенденции руководства Объединенной прогрессивной партии следовать насильственной стратегии Корейской Народно-Демократической Республики. После выступления Ли Сок Ки участники, в том числе шесть других авторов сообщения, обсудили конкретные меры материально-технической подготовки, в частности изготовление бомб и оружия и совершение насилия, включая уничтожение конкретных объектов инфраструктуры, таких как сооружения связи, нефтепроводы и железные дороги. По заявлениям государства-участника, это свидетельствует о том, что высказывания Ли Сок Ки и Ким Хон Ёла

представляли реальную угрозу, поскольку могли породить и укрепить решимость участников совершать повстанческие действия. Государство-участник отмечает, что тайный характер встреч указывает на то, что участники знали об их незаконности. Суды постановили, что их целью было побудить участников в случае начала войны разрушать инфраструктуру и вести пропаганду и информационные войны. Эти действия нарушили бы работу железнодорожного транспорта и коммуникационных сетей, а также поставки топлива и тем самым повлияли бы на способность государства-участника сражаться в войне. Учитывая опыт авторов, их судимости и функции на совещаниях, а также отношение и реакцию участников и политический контекст, суды постановили, что заявления авторов могут оказывать реальное влияние на поведение участников.

4.4 Что касается нарушения Закона о национальной безопасности, то государство-участник заявляет, что высказывания авторов представляли угрозу для национальной безопасности, поэтому их необходимо было ограничить. Оно утверждает, что своими высказываниями на майских встречах и исполнением песни «Товарищи по революции» они прославляли идеологию, руководство, ядерные испытания и вооруженные силы Корейской Народно-Демократической Республики, а также ее план нападения на государство-участник, и таким образом восхваляли и пропагандировали антигосударственную организацию, а также действовали заодно с ней. С учетом ситуации в Корейской Народно-Демократической Республике и смысла высказываний авторов их заявления угрожали существованию и безопасности государства или основополагающему демократическому порядку. Кроме того, прославляя руководство и идеологию Корейской Народно-Демократической Республики, Ли Сок Ки на майских встречах внушал эти идеи другим авторам сообщения, которые слепо соглашались с ним. Помимо этого, материалы, находившиеся в распоряжении авторов, определяли государство-участник как колонию Соединенных Штатов, поощряли насильственную борьбу против этого и подстрекали людей следовать идеям чужде. Эти действия, а также призыв Ли Сок Ки немедленно применить на практике все, что было подготовлено, угрожали национальной безопасности. Соответственно, суды признали нарушение Закона о национальной безопасности.

4.5 Государство-участник добавляет, что оно постоянно подвергается военным провокациям со стороны Корейской Народно-Демократической Республики и что некоторые высказывания представляют собой угрозу нанесения ущерба его существованию и безопасности, а также основополагающему демократическому порядку. На фоне обострившихся военных провокаций авторы подчеркивали, что наступило военное время. Государство-участник заявляет, что, следовательно, статья 7 Закона о национальной безопасности должна быть сохранена.

4.6 Государство-участник утверждает также, что меры, принятые властями, были соразмерными, поскольку действия авторов были уголовно наказуемыми и, следовательно, принять иные меры было невозможно. Настоящая процедура рассмотрения индивидуальных сообщений не может воспроизвести внутренний уголовный процесс авторов, который был проведен в соответствии с принципами надлежащей правовой процедуры и стандартами беспристрастности. Срок тюремного заключения показывает, что принцип соразмерности был соблюден с учетом судимостей и поведения авторов, а также масштабов их противоправных деяний.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 20 июня 2017 года авторы представили свои комментарии к замечаниям государства-участника. Они оспаривают утверждение о том, что во время майских лекций Северная и Южная Корея находились на грани войны, поскольку Корейская Народно-Демократическая Республика отменила «высшую боевую готовность» и отодвинула свои ракеты от границы. Более того, два университетских профессора истолковали враждебные слова Корейской Народно-Демократической Республики как не свидетельствующие о намерении напасть. Реакция правительства и средств массовой информации также не отражала такого понимания.

5.2 Авторы утверждают далее, что в ходе уголовного судопроизводства суд первой инстанции постановил, что неразборчивые части аудиозаписи майского совещания должны быть заполнены на основании утверждений каждой из сторон, однако правительство намеренно неправильно истолковало некоторые фрагменты. Более того, государство-участник приписывает некоторые фразы Ли Сок Ки³, который никогда не произносил их в представленном порядке. Осознание участниками майских встреч того факта, что руководство Объединенной прогрессивной партии следовало насильственной стратегии Корейской Народно-Демократической Республики, не означает, что они с этим соглашались. Их аплодисменты в адрес Ли Сок Ки и утвердительные ответы на его вопросы не свидетельствуют о том, что они находились в системе иерархии. Государство-участник не доказало взглядов авторов относительно содержания обсуждений, но даже если бы они соглашались с замечаниями Ли Сок Ки, это все равно не свидетельствовало бы об угрозе национальной безопасности. Кроме того, впоследствии никто не предпринял никаких действий. Обсуждения военной подготовки не были конкретными и остались бы бессмысленными, если бы война так и не разразилась. Несмотря на то, что государство-участник распространяет высказывания одного или двух лиц на всех участников совещания, авторы лишь обобщили обсуждения в подгруппах, поэтому соответствующие фразы не могут быть приписаны лично им. Атмосфера, при которой неоднократно раздается смех, и встречи, организованные как лекционная программа со 130 участниками, не характерны для намерения спланировать насильственный мятеж. Тайный характер совещаний был обусловлен тем, что государство-участник преследует лиц, придерживающихся левых взглядов. Авторы вновь заявляют, что в результате майских встреч никакой угрозы национальной безопасности не возникло.

5.3 Что касается нарушения Закона о национальной безопасности, то авторы ссылаются на правовую практику Комитета, в рамках которой он установил, что одной ссылки государства-участника на угрозу безопасности, исходящие от Корейской Народно-Демократической Республики, недостаточно для уточнения конкретного характера угроз, предположительно исходящих от определенных высказываний⁴. Они заявляют, что ограничения в данном случае также не являлись необходимыми. Относительно песни «Товарищи по революции» они утверждают, что, по словам ее автора, она напоминает о борьбе с японским колониальным режимом и критикует американский империализм. Авторы заявляют, что даже если толкование песни государством-участником верно, то из него все равно не следует, что пение угрожало национальной безопасности. Кроме того, они оспаривают утверждение о том, что содержание майских встреч свидетельствовало об их сочувствии Корейской Народно-Демократической Республике и о том, что в материалах, находившихся в их распоряжении, содержался призыв к борьбе против правительства, и заявляют, что даже если интерпретация государства-участника верна, то простые словесные высказывания и владение материалами не являются угрозой национальной безопасности.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем приступить к рассмотрению любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет, в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры, должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

³ «Мы можем выиграть войну, если только вступим в войну нового типа, которая идет по всей стране в нескольких местах одновременно и может быть очень мощной, даже если ее суть не очевидна. В конечном счете, этот вопрос неизбежно будет решен военным путем. Мы должны выработать конкретные меры и немедленно применить на практике все, что было подготовлено, как только поступит соответствующий приказ».

⁴ *Пак против Республики Корея* (CCPR/C/64/D/628/1995), п. 10.3, и *Ли против Республики Корея* (CCPR/C/84/D/1119/2002), п. 7.3.

6.2 В соответствии с требованиями пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет отмечает, что этот же вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает утверждения авторов о том, что они исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты. Следовательно, Комитет считает, что требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению им настоящего сообщения.

6.4 Комитет считает, что авторы в достаточной степени обосновали свои утверждения для целей приемлемости. Поэтому он объявляет сообщение приемлемым и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет рассмотрел данное сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации. Он отмечает, что рассматриваемый им вопрос заключается в том, было ли ограничение свободы выражения мнений авторов в виде уголовного наказания необходимо для защиты национальной безопасности для целей пункта 3 b) статьи 19 Пакта.

7.2 Комитет напоминает, что ограничения права на свободное выражение мнений не должны быть чрезмерно широкими⁵. Ограничения должны соответствовать принципу соразмерности, они должны являться уместными для выполнения своей защитной функции, они должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат, и они должны являться соразмерными защищаемому интересу⁶. При соблюдении принципа соразмерности необходимо также учитывать конкретную форму выражения мнения и средства его распространения⁷.

7.3 Комитет напоминает также, что необходимо чрезвычайно внимательно следить за тем, чтобы положения, касающиеся национальной безопасности, разрабатывались и применялись государствами-участниками в строгом соответствии с требованиями пункта 3 статьи 19⁸. Когда государство-участник ссылается на законные основания при установлении ограничения на свободу выражения мнений, оно должно четко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой⁹.

7.4 Комитет отмечает, что в данном деле суды государства-участника осудили авторов по статье 7 Закона о национальной безопасности на том основании, что их поведение представляло угрозу для национальной безопасности, а также дополнительно осудили Ли Сок Ки и Ким Хон Ёла за подстрекательство к мятежу на основании целого ряда фактов (см. пп. 2.1–2.3 выше). Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что осуждение авторов было основано, в частности, на том, что они имели в своем распоряжении материалы и позволяли себе высказывания, пропагандирующие насильственную борьбу и прославляющие идеологию, руководство, ядерные испытания и вооруженные силы Корейской Народно-Демократической Республики и ее план нападения на государство-участник, в том числе в определяющие моменты собраний, с намерением вселить в сердца слушателей дух революции. Комитет отмечает далее довод государства-участника о том, что оно постоянно подвергается военным провокациям со стороны Корейской Народно-Демократической Республики и что некоторые высказывания представляют собой

⁵ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 34.

⁶ Там же; и замечание общего порядка № 27 (1999), п. 14.

⁷ Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 34.

⁸ Там же, п. 30.

⁹ Там же, п. 35.

угрозу нанесения ущерба его существованию и безопасности, а также основополагающему демократическому порядку.

7.5 В этой связи Комитет, в частности, принимает к сведению, что суды государства-участника также ссылались на стенограммы майских встреч. Как отмечает Комитет, авторы утверждали, что власти намеренно неправильно истолковали неразборчивые фрагменты аудиозаписи, однако не привели никаких конкретных примеров. Согласно резюме стенограммы, Ли Сок Ки в своем вступительном слове заявил, что цель встречи — противостоять напряженной ситуации на Корейском полуострове и что они, будучи революционерами, должны активно пресекать попытки вторжения и положить конец военной системе империалистов Соединенных Штатов. Он заявил, что ситуация будет решаться военным путем, и настоятельно призвал присутствующих к политической, военной, физической и технической подготовке к войне. Затем Ким Хон Ёл как координатор дискуссии предложил участникам обсудить в подгруппах, какую политическую и военную подготовку необходимо провести в сложившейся ситуации. Подгруппы обсуждали различные способы нападения на инфраструктуру, включая изготовление оружия и бомб, а также саботаж телекоммуникационных и железнодорожных систем и нефтехранилищ; в ходе дискуссии упоминались конкретные места. После этих обсуждений Ли Сок Ки подчеркнул, что участники должны проявлять активность в отношении физической и технической подготовки. Он сослался на сайты, посвященные самодельным бомбам, заявив, что «и руководство по изготовлению, и формула самодельного взрывного устройства в корпусе из скороварки, использованного при взрывах на Бостонском марафоне, имеются в Интернете. Если вы проявите заинтересованность, то вам многое откроется». Он также упомянул о «простых методах» разрушения стальной башни. В дополнение к вышеупомянутым высказываниям Ли Сок Ки и Ким Хон Ёла все остальные авторы участвовали в обсуждениях военной подготовки или сообщали о них, а также аналогичным образом обсуждали закупки оружия и уничтожение инфраструктуры.

7.6 В этой связи Комитет отмечает утверждения авторов о том, что некоторые фрагменты их высказываний были туманными, что Ли Сок Ки рекомендовал участникам не носить оружия и что авторы не могут нести ответственность за высказывания других лиц. Комитет считает, что заявления о двусмысленности некоторых фрагментов не влияют на явное влияние вышеупомянутых обсуждений на национальную безопасность. Хотя не все комментарии об уничтожении инфраструктуры были сделаны авторами, последующие высказывания Ли Сок Ки об изготовлении бомб и разрушении стальных башен можно воспринимать исключительно как одобрение подобных замечаний. Такие комментарии также нельзя рассматривать отдельно от предложения Ким Хон Ёла обсудить военную подготовку. Кроме того, учитывая, что Ли Сок Ки был депутатом Национального собрания от Объединенной прогрессивной партии, а Ким Хон Ёл возглавлял комитет партии в провинции Кёнги, трудно сделать вывод о том, что они не имели власти над участниками, все из которых были членами одного и того же провинциального комитета.

7.7 Комитет отмечает, что, хотя, по заявлениям авторов, эти высказывания были обусловлены началом войны, Ли Сок Ки признал во время встреч, что поведение Корейской Народно-Демократической Республики сделало ситуацию на Корейском полуострове крайне беспокойной. В этой связи Комитет отмечает замечание государства-участника о том, что за три дня до первого совещания Корейская Народно-Демократическая Республика угрожала превратить «пять островов Западного моря в море огня» и что в период с 18 по 20 мая 2013 года она выпустила пять ракет. Форма проведения встреч и размер аудитории позволяют предположить, что распространение итогов обсуждений должно было ограничиться 130 участниками. Тем не менее соответствующие функции авторов в организации и ходе встреч вкуче с их высказываниями, включая, в частности, обсуждение необходимости военной подготовки и способов закупки оружия и уничтожения инфраструктуры, а также занимаемые Ли Сок Ки и Ким Хон Ёлом должности и общий контекст подтверждают вывод Верховного суда о том, что эти высказывания могли существенно повлиять на

поведение участников и оправдывают ограничение свободы выражения мнений в целях защиты национальной безопасности.

7.8 Отмечая аргумент авторов о том, что государство-участник могло обратиться к Объединенной прогрессивной партии с просьбой применить свои внутренние дисциплинарные механизмы, Комитет тем не менее не убежден, что подобные меры имели бы такой же защитный эффект, как уголовное преследование и санкции в отношении конкретных и серьезных фактов данного дела, которые затрагивают национальную безопасность и основополагающий демократический порядок государства, поскольку связаны с подстрекательством к мятежу и наличием материалов и выступлений, пропагандирующих насильственную борьбу и нападение на такие уязвимые объекты инфраструктуры, как железнодорожный транспорт, связь и поставки топлива. Напоминая о своей обеспокоенности по поводу преследований по статье 7 Закона о национальной безопасности¹⁰, Комитет все же учитывает конкретные обстоятельства дела, включая особо серьезный характер высказываний авторов на разных мероприятиях, их руководящую роль, конкретный контекст, в котором оказалось государство-участник во время различных событий, и обязательства государства-участника по статье 20 Пакта, касающиеся пресечения пропаганды войны. В свете представленной ему информации Комитет не может сделать вывод о том, что государство-участник в достаточной степени не продемонстрировало, что осуждение авторов было необходимым в обстоятельствах дела, адекватным для достижения его защитной функции и соразмерным защищаемому интересу, и, соответственно, не находит нарушения прав авторов по пункту 2 статьи 19 Пакта.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статьи 19 Пакта.

¹⁰ CCPR/C/KOR/CO/4, п. 48.

Приложение I

Особое (частично несогласное) мнение членов Комитета Гентиана Зюбери, Сюити Фуруя и Андреаса Циммермана

1. Мы в целом согласны с отраженным в Соображениях выводом о том, что поскольку осуждение авторов было необходимым при обстоятельствах дела и соразмерным защищаемому интересу, то оно не является нарушением прав авторов по пункту 2 статьи 19 Пакта. Однако мы не можем согласиться с ним в отношении осуждения авторов по статье 7 Закона о национальной безопасности за исполнение песни «Товарищи по революции».

2. Согласно фактам, представленным авторами, их судили и осудили не только за поведение и высказывания на двух встречах, состоявшихся 10 и 12 мая 2013 года, но и за исполнение указанной песни 8 марта 2012 года, 3 мая 2012 года, 21 июня 2012 года и 10 августа 2012 года. Как указано в пункте 7.3 Соображений, когда государство-участник ссылается на законные основания при установлении ограничения на свободу выражения мнений, оно должно четко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой¹. Тем не менее Соображения, принятые Комитетом, не содержат индивидуальной оценки того, удовлетворило ли государство-участник критерии необходимости и соразмерности в отношении конкретных событий, связанных с исполнением песни в 2012 году.

3. Хотя напряженность в отношениях между государством-участником и Корейской Народно-Демократической Республикой существует с момента окончания Корейской войны, серьезность этой напряженности различается в зависимости от периода. Мы согласны с утверждением государства-участника о том, что встречи в мае 2013 года проходили в контексте пребывания страны на грани войны, поскольку за три дня до первого совещания Корейская Народно-Демократическая Республика угрожала превратить «пять островов Западного моря в море огня», а в период с 18 по 20 мая 2013 года она выпустила пять ракет. В свете этого конкретного контекста мы поддерживаем отраженный в Соображениях вывод о том, что уголовное наказание авторов было необходимым и соразмерным защищаемому интересу. Тем не менее, по нашему мнению, напряженность в отношениях между двумя государствами в 2012 году была менее серьезной, чем в мае 2013 года, и угроза национальной безопасности государства-участника стояла не столь остро. В этой связи Комитету следовало бы рассмотреть вопрос о соответствии Пакту уголовного преследования и наказания авторов в этом конкретном контексте 2012 года отдельно от контекста майских встреч 2013 года.

4. В свете общей ситуации, сложившейся в государстве-участнике в 2012 году, представляется, что преследование и наказание авторов за исполнение конкретной песни не было необходимым для поддержания безопасности государства-участника и не было соразмерным этой цели. В любом случае, поскольку государство-участник не представило Комитету никакой конкретной информации в обоснование преследования и наказания авторов за исполнение песни в 2012 году², то это приводит к выводу, что государство-участник не смогло в достаточной степени продемонстрировать, что принятые меры находились в рамках допустимых ограничений, закрепленных в пункте 3 статьи 19. По этой причине мы вынуждены заключить, что преследование и наказание авторов за эти конкретные события, имевшие место в 2012 году, представляют собой нарушение пункта 2 статьи 19.

¹ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 34 (2011), п. 35.

² См. также *Сон против Республики Корея* (CCPR/C/54/D/518/1992), п. 10.4, и *Шин против Республики Корея*, сообщение № 926/2000, п. 7.3.

Приложение II

[Язык оригинала: испанский]

Индивидуальное (частично несогласное) мнение Эрнана Кесады Кабреры

1. Что касается сообщения № 2809/2016 (*Ли Сок Ки и др. против Республики Корея*), то я не могу согласиться с большинством членов Комитета, которые пришли к выводу о том, что рассмотренные факты не свидетельствуют о нарушении статьи 19 Пакта, поскольку в этом решении не учитывается один из элементов, на которых основывалось осуждение авторов (за исключением одного из них) судом.

2. В этом смысле, хотя заключение Комитета об отсутствии нарушения статьи 19 Пакта может быть признано правильным исключительно в отношении тех фактов, которые были учтены, упущение в анализе еще одного факта не позволило выявить конкретное нарушение пункта 2 статьи 19. Следовательно, мое индивидуальное мнение является частично несогласным, как показано ниже.

3. Осуждение всех авторов, кроме Хан Тон Куна, по статье 7 Закона о национальной безопасности основывалось, в частности, на том, что 8 марта, 3 мая, 21 июня и 10 августа 2012 года они пели песню «Товарищи по революции» на собраниях провинциального комитета партии, в которых участвовали. По словам государства-участника, в этой песне прославляются идеология, лидер, ядерные испытания, вооруженные силы Корейской Народно-Демократической Республики и план ее нападения на государство-участник, поэтому, исполняя ее, авторы совершили преступления, состоящие в том, что они восхваляют антигосударственную организацию, распространяют ее идеи и действуют заодно с ней.

4. На мой взгляд, согласно представленному авторами переводу слов песни, нет никаких доказательств того, что в ней пропагандируется поведение, которое представляет собой угрозу национальной безопасности. Кроме того, неясно, какую именно и насколько серьезную опасность представляли авторы, певшие песню, а также что сделали судебные органы государства-участника для ее реального определения помимо общего упоминания о том, что целью песни было воодушевление участников на революцию, прославление Корейской Народно-Демократической Республики и критика Соединенных Штатов Америки. За исключением указания на то, что песня звучала в решающие моменты встреч и что ее цель заключалась в том, чтобы вселить революционный дух в сознание всех участников, государство-участник также не продемонстрировало, что в четырех случаях, когда звучала эта песня, существовала прямая и непосредственная связь между исполнением песни и предполагаемой угрозой. В этой связи, в своем замечании общего порядка № 34 (2011) Комитет четко заявил: «Когда государство-участник ссылается на законные основания при установлении ограничения на свободу выражения мнений, оно должно четко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой» (п. 35).

5. Рассмотрев все исходные обстоятельства дела, я считаю, что государство-участник не продемонстрировало, что это ограничение свободы выражения мнений авторов является необходимым по какой-либо из причин, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта.

6. В итоге можно сделать вывод о том, что права Ли Сок Ки, Ким Хон Ёла, Ли Сан Хо, Хон Сун Сока, Хан Тон Куна, Чжо Лян Вона и Ким Кын Рэ, закрепленные в пункте 2 статьи 19 Пакта, были нарушены, поскольку их осуждение по статье 7 Закона о национальной безопасности было обусловлено, в частности, тем, что они исполняли песню «Товарищи по революции» в рамках указанных мероприятий.